

Къ этому №
бесплатное прилож.
СТАВИСКІЙ-
король тековъ
нов. романъ
Н.Н. Брешко-Брешковскаго

LA RUSSIE ILLUSTRÉE
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССІЯ

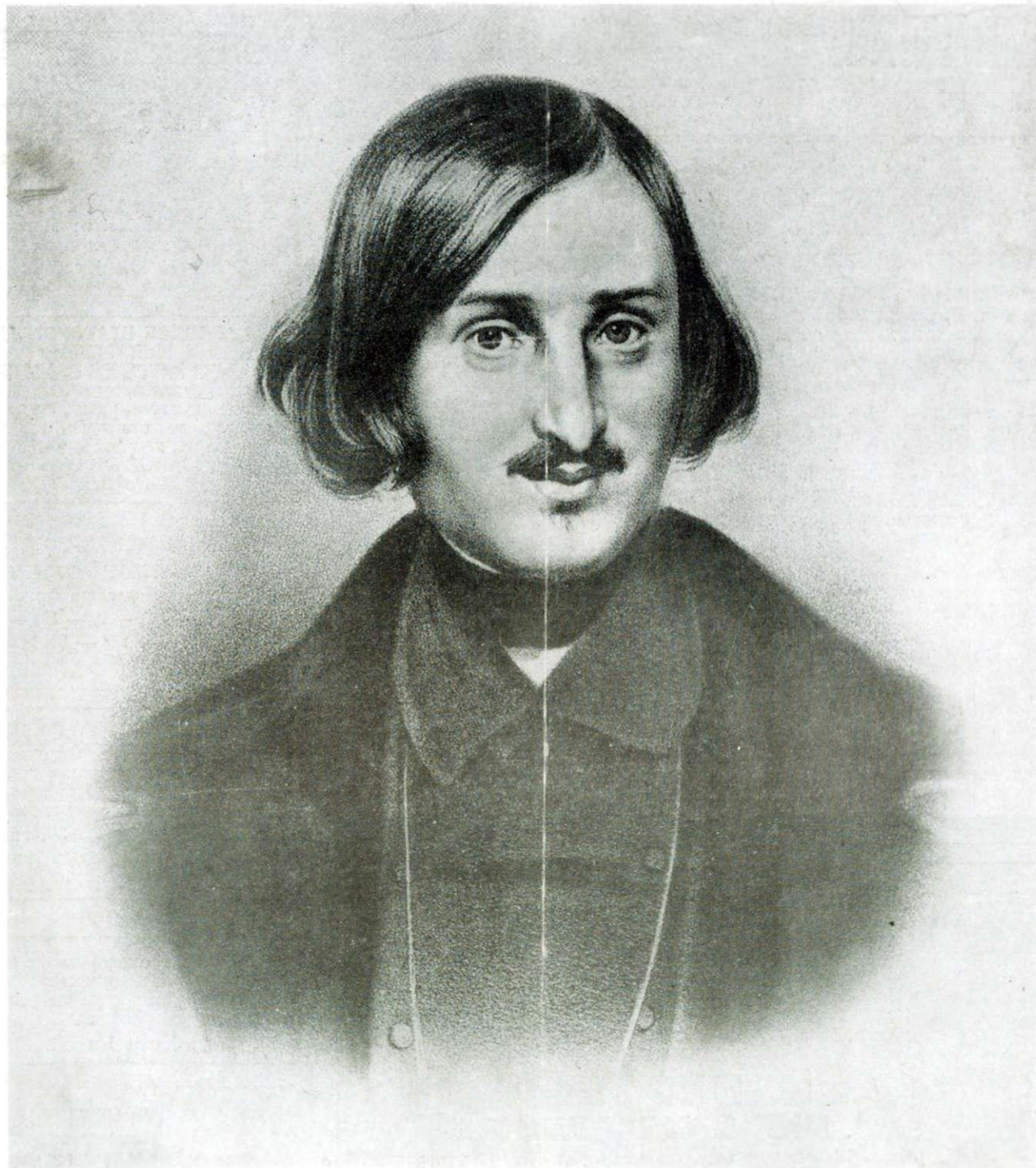
№ 14 (464) Парижъ

31 Марта 1934 г.

Цѣна отд. № - 3 фр.

11-й годъ издакiя

Къ 125-лѣтiю со дня рожденiя

Николай Васильевичъ Гоголь

(род. 1 апрѣля п. ст. 1809 г.)

Семья Гоголя

1 апрѣля н. ст. исполняется 125 лѣтъ со дня рожденія великаго русскаго писателя Н. В. Гоголя. Желая ознакомить читателей съ обстановкой, въ которой протекала жизнь автора «Мертвыхъ Душъ» въ семейномъ кругу, мы печатаемъ ниже интереснѣйшія воспоминанія В. Головни, посвященныя отношеніямъ между Н. В. Гоголемъ и его сестрой Ольгой Васильевной, по мужу Головней.

Н. В. Гоголь. Автопортретъ.

Пятаго декабря 1907 года, въ 12 часовъ дня, послѣ тяжкой болѣзни скончалась отъ паралича сердца послѣдняя, оставшаяся въ живыхъ, сестра Николая Васильевича Гоголя, Ольга Васильевна Головня.

Старушка почилла на восемьдесятъ третьемъ году своей долгой, тяжелой, перадоистой жизни.

Жизнь эта, полная самоотверженной любви къ близкимъ и окружающимъ, полная тяжкими страданіями и горя, является далеко не заурядной во многихъ отношеніяхъ.

Родилась Ольга Васильевна 19-го марта 1825 года, въ себѣ Васильевкѣ, она же Яновщина, гдѣ и прожила почти всю свою долгую жизнь.

День ея рожденія совпалъ со днемъ рожденія ея великаго брата, а годъ рожденія былъ годомъ смерти ея отца Василія Афанасьевича Гоголя.

Умеръ Василій Афанасьевичъ сравнительно еще не старымъ человѣкомъ, ему было тогда около 48 лѣтъ. Какой-то тяжелый недугъ давно уже подтачивалъ его слабый организмъ, онъ съ каждымъ годомъ худѣлъ и слабѣлъ, и, наконецъ, безвременно угасъ. Естественно, что Ольга Васильевна, рожденная отъ совершенно больного отца, оказалась чрезвычайно болѣзненнымъ, золотушнымъ и даже рахитичнымъ ребенкомъ.

Къ тому же матушка ея, Марія Ивановна, обожавшая своего мужа, настолько отдалась своему горю, что не могла удѣлять достаточно вниманія своей младшей дочери, и бѣдняжка была всецѣло предоставлена мамкѣ, а потомъ нянькамъ. Неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ причинъ, золотухи ли, или плохого ухода, ребенокъ на второмъ году жизни, вдругъ оказался глуховатымъ на оба уха. Эта «проклятая глухота» во много разъ увеличила страданія всей жизни Ольги Васильевны. Глухота исключила ее изъ общества, лишивъ возможности слы-

шать обыкновенную разговорную рѣчь; съ ранняго дѣтства и до глубокой старости бѣдняжка съ завистью поглядывала на счастливыхъ людей, ведущихъ веселые, оживленные разговоры, изъ которыхъ до ея ушей долетали только отдѣльныя слова. Помимо глухоты, она оказалась еще и калѣжкой: у нея одна нога была немного короче другой и одинъ палецъ на правой рукѣ сильно обезображенъ, что всегда очень смущало старушку; ей всегда казалось, что людямъ непріятно смотрѣть на это маленькое уродство, и потому она старалась спрятать этотъ уродливый палецъ. Только на четвертомъ году она выучилась ходить и говорить; до восьми лѣтъ она постоянно страдала какой-нибудь мучительной болѣзвью.

Въ девять лѣтъ ее начали обучать грамотѣ; но всѣ усилія матери, старшей сестры Маріи Васильевны и даже какаго-то деревенскаго учителя оказались тщетными; дѣвочка была настолько тупа, что никакъ не могла постигнуть тайны складовъ и арифметическихъ дѣйствій; кромѣ того, у нея совершенно не было памяти, и потому все заученное сегодня она совершенно забывала на слѣдующій день.

Въ это время Николай Васильевичъ Гоголь получилъ мѣсто преподавателя въ Патриотическомъ институтѣ, что дало ему возможность помѣстить въ это аристократическое учебное заведеніе старшихъ сестеръ Ольги Васильевны, Анну и Елизавету.

Туда же на слѣдующій годъ онъ захотѣлъ забрать и Оленку, но это оказалось совершенно невозможнымъ.

— Куда же ей, бѣдняжкѣ, въ институтъ? — убѣждала Николая Васильевича Марія Ивановна: — вѣдь она калѣчка, а главное — совершенно неспособна къ обученію, у нея нѣтъ памяти, и она настолько тупа, что никакъ не можетъ постигнуть даже складовъ.

— Пустяки! — самоувѣренно возражала Николай Васильевичъ: — это только доказываетъ, что ни вы, маменька, ни сестрица

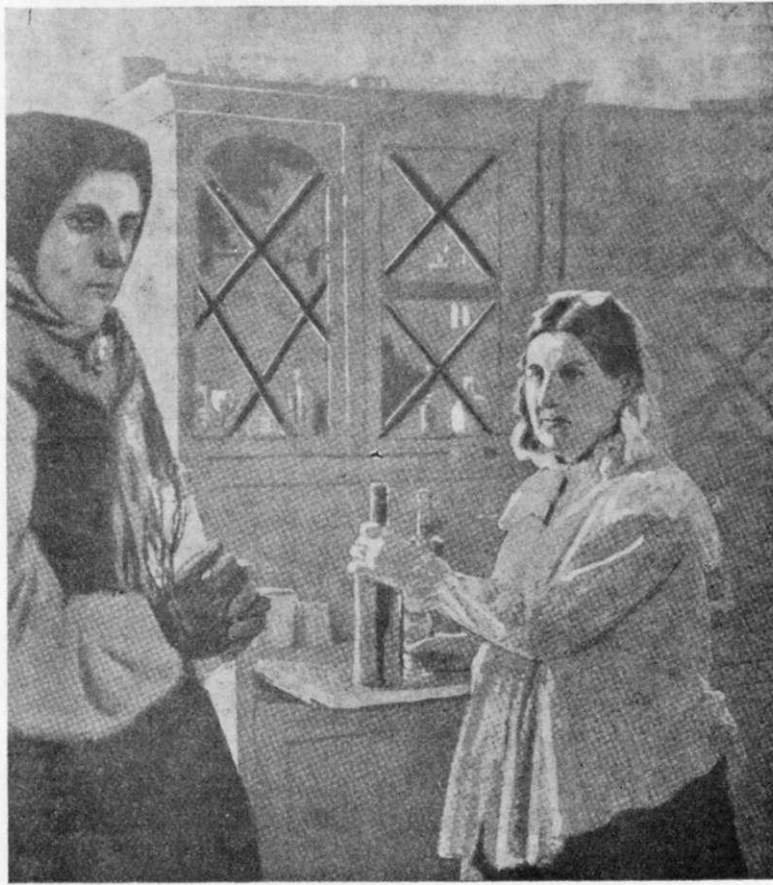
Машенька не умѣете взяться за дѣло; чтобы это вамъ доказать, я самъ возьмусь ее учить, и вы увидите, что въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, которые проведу въ деревнѣ, я сумѣю подготоить ее къ поступленію въ институтъ.

Такая самоувѣренность была вполне естественна у молодого писателя, находившагося тогда наверху славы.

Ему тогда было только 26 лѣтъ, и несмотря на такой молодой возрастъ онъ уже издалъ три тома своихъ сочиненій, напечатанныхъ на всю Россію; кромѣ того, онъ подготавливалъ для постановки на петербургской сценѣ безсмертнаго «Ревизора». Величайшіе русскіе писатели того времени: Жуковскій, Языковъ и, наконецъ, великій Пушкинъ, были его друзьями, а осенью ему предстояло занять кафедру профессора исторіи въ Петербургскомъ университетѣ.

Николай Васильевичъ энергично принялся за обученіе своей сестренки... Но увы! — несмотря на новѣйшіе, въ то время, педагогическіе приемы, несмотря на просьбы, убѣжденія, угрозы и даже наказанія, дѣло не двигалось впередъ; Оленька никакъ не могла постигнуть всѣхъ тайнъ школьной премудрости, а о томъ, чтобы заучить что-нибудь наизусть, не могло быть и рѣчи.

Таблица умноженія оказалась вещью совершенно непреодолимой, и даже многія буквы долго оставались для нея совершенно непонятными. Бился надъ ней Гоголь и по утрамъ, и по вечерамъ, выходилъ изъ се-

Сестра Н. В.
Гоголя,
Ольга Васильевна
Головня

бя, сердилась, чуть не плакала; но дѣло не подвигалось ни на шагъ впередъ. Наконецъ, онъ вынужденъ былъ отказаться отъ принятой на себя непосильной задачи.

— Да, маменька, вы правы, — съ грустью объявилъ онъ однажды Маріи Ивановнѣ: — Оленька, дѣйствительно страшно тупа, и ее невозможно отдать въ институтъ; что-жъ дѣлать, придется дома обучить ее хоть чему-нибудь!

Этимъ рѣшилъ онъ участь Ольги Васильевны, полагая, что всѣ его труды по обученію Оленьки грамотѣ пропали даромъ.

Однако, это, повидимому, безрезультатное обученіе имѣло рѣшающее вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу Ольги Васильевны.

Несмотря на строгость и даже подчасъ жестокость брата (онъ, напримѣръ, иногда оставлялъ ее безъ обѣда или безъ любимаго блюда), дѣвочка привязалась къ нему всей душой и полюбила его той безпредѣльной, самоотверженной любовью, на какую способны только чистыя, глубокія натуры.

Братъ для нея сдѣлался идеаломъ добраго, хорошаго и даже святаго; въ ея дѣтскихъ глазахъ онъ представлялся идеально прекраснымъ, умнымъ и могущественнымъ; быть около него, изучать его привычки, выполнять малѣйшія его желанія — было для нея величайшимъ наслажденіемъ; любимымъ ея времяпровожденіемъ было сидѣть или стоять подлѣ него и чувствовать иногда на своей головѣ его теплую, мягкую руку, прислушиваться къ звукамъ его чистаго, пріятнаго голоса, съ радостью улавливать какое-нибудь слово, особенно громко имъ сказанное, и любоваться тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производили на окружающихъ его рѣчи.

Съ какой радостной улыбкой вспоминала она даже въ старости сохранившіеся въ ея памяти эпизоды изъ жизни брата въ Янов-

щинѣ, когда онъ пріѣзжалъ туда, еще полный надеждъ и вѣры въ себя и свои годы.

«Помню, — рассказывала она: — когда мнѣ было еще лѣтъ 10, братецъ подарилъ мнѣ стеклянное колечко, которое мнѣ очень понравилось. Я надѣла его на палецъ и все любовалась блескомъ его на солнцѣ. Когда сѣли обѣдать, я, по обыкновенію, помѣстилась подлѣ брата, чтобы слышать его пріятный голосъ, и мнѣ захотѣлось снять колечко и надѣть его на другой палецъ, но нечаянно я уронила его на тарелку; оно издало очень понравившійся мнѣ звукъ; но, очевидно, этотъ звукъ братцу показался очень рѣзкимъ — онъ въ это время вель серьезный разговоръ, кажется, съ пріѣхавшимъ въ гости сосѣднимъ помѣщикомъ Чарнышемъ.

«— Оленька, перестань! — сказала онъ, прерывая свою рѣчь.

«Я спрятала колечко; но черезъ минуту мнѣ страшно захотѣлось снова услышать пріятный звонъ колечка, и я какъ бы нечаянно снова уронила его на тарелку.

«— Оленька, я тебѣ говорю, перестань, — строго сказалъ братецъ.

«Я спрятала колечко, но, когда убрали блюдо и передо мной снова очутилась чистая тарелка, я почувствовала непреодолимое желаніе снова услышать звонъ колечка — и снова пустила его на тарелку.

«Братецъ молча взялъ у меня кольцо и спрятать его въ карманъ.

«Когда гости разъѣхались, я подошла къ нему и робко попросила его:

«— Братецъ, отдайте мнѣ колечко.

«— Не отдамъ, ты непослушная, — отвѣтилъ братецъ съ улыбкой, которая дала мнѣ смѣлость повторить мою просьбу. — Ну, по-ди, возьми его въ гостиной на окнѣ, — сказала, улыбаясь, братецъ.

«Я побѣжала въ гостиную: тамъ на окнѣ,

дѣйствительно, лежало мое колечко, но, когда я захотѣла его взять, оно рассыпалось на кусочки.

«Я со слезами возвратилась къ братцу и тихо-тихо сказала ему:

«— Братецъ, зачѣмъ вы его разбили?

«Ему, очевидно, сдѣлалось жаль меня, и онъ пообѣщалъ мнѣ купить другое, еще лучшее».

«Величайшимъ наслажденіемъ для меня, — рассказываетъ Ольга Васильевна: — было чѣмъ-нибудь угодить братцу, и въ этомъ отношеніи никто не могъ такъ тонко подмѣтить всѣхъ его привычекъ, всего того, что онъ любить и чего недолгоблывать.

«Когда по вечерамъ или по утрамъ поваръ приходитъ къ маменькѣ спрашивать, что готовить на обѣдъ, я всегда старалась не пропустить этого момента, чтобы подсказать матери, какое пирожное, какой соусъ, какіе варенички или галушечки любитъ братецъ, и маменька всегда удивлялась, какъ это я все такъ хорошо помню таблицы умноженія никакъ не могу заучить.

«Когда же мнѣ удавалось принести пугицу къ его сюртуку или жилету, то я чувствовала себя счастливою на цѣлый день. Тогда братецъ былъ большимъ франтомъ, у него всегда въ чемоданѣ было нѣсколько сюртуковъ, разныхъ цвѣтовъ, и цѣлая коллекція жилетовъ, онъ, видно, очень любилъ разноцвѣтные жилеты: какихъ только цвѣтовъ и изъ какихъ только матерій ни было у него жилетовъ: и шелковые, и бархатные, и зеленые, и голубые, а однажды онъ привезъ съ собою жилетъ изъ очень дорогой золотой парчи, котораго, однако, почти никогда не надѣвалъ, а потомъ подарилъ его мнѣ, и я изъ него сдѣлала что-то для церкви.

«Во время своихъ пріѣздовъ въ Яновщину братецъ помѣщался во флигелѣ, въ комнатѣ съ балкономъ въ садъ. Въ этой комнатѣ онъ ежедневно записывался отъ чая до самаго обѣда.

«Обѣдъ у насъ былъ всегда около часа, этого момента я поджидала съ величайшимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ мнѣ принадлежало великое для меня право приглашать его къ обѣду.

«Я обыкновенно подкрадывалась къ дверямъ его комнаты, тихонько пріотворивъ ихъ и просовывала туда голову, чтобы заглянуть, что онъ дѣлаетъ; братецъ очень часто шутиливо ударялъ меня пальцемъ или перомъ по моему длинному носу, а я, счастливая этимъ вниманіемъ ко мнѣ, произносила стереотипную фразу:

«— Братецъ, маменька проситъ обѣдать.

«Да, весело жилось тогда въ Яновщинѣ, когда къ намъ пріѣзжалъ братецъ, веселый, спокойный; къ намъ тогда чуть не каждый день наѣзжали сосѣди; всѣмъ хотѣлось поговорить, посмотреть на великаго писателя, хотя многіе очень боялись, чтобы онъ ихъ не пропечаталъ.

«Братецъ со всѣми шутилъ, разговаривалъ объ ихъ дѣлахъ, о хозяйствѣ — но нѣкотырхъ сосѣдей, наоборотъ, не любилъ, и когда они пріѣзжали, онъ запирался во флигелѣ и цѣлый день оттуда не выходилъ, несмотря на просьбы маменьки.

«Но зато, когда братецъ уѣзжалъ, съ нимъ вмѣстѣ закатывалось для меня солнце радости; наступала мокрая туманная осень, а за нею безконечная зима съ длинными, скучными вечерами, съ однообразнымъ, докучливымъ сматываніемъ и разматываніемъ клубковъ нитокъ, подготовляемыхъ для тка-

ча, при тускломъ свѣтѣ салныхъ свѣчей. Тоскливо, холодно, одиноко, неуютно...»

Только съ пятнадцати лѣтъ организмъ Ольги Васильевны достаточно окрѣпъ, и она начала быстро развиваться — много читала и писала.

Но самымъ любимымъ чтеніемъ было для нея, конечно, переписываніе писемъ брата; сначала эти письма были заполняемы просьбами о высылкѣ различныхъ матеріаловъ: описаніе свадебъ, сватанья и другихъ обычаевъ, названія различныхъ національныхъ костюмовъ и кушаній и т. п.; затѣмъ онъ писалъ много совѣтовъ и распоряженій по сельскому хозяйству. Но мало-по-малу письма его начинали носить нравоучительный характеръ, онъ писалъ о жизни, о ея назначеніи, размышлялъ о томъ, какъ вести эту жизнь, чтобы приблизиться къ Богу.

Николай Васильевичъ поселился тогда въ Римѣ и пріѣзжалъ въ Яновщину очень рѣдко, но зато письма его были очень пространны и поучительны.

Въ памяти Ольги Васильевны живо сохранилась поѣздка съ братомъ въ Москву за сестрами, которая уже окончила институтъ; братъ въ это время былъ уже совсѣмъ не такимъ, какимъ она его помнила въ дѣтствѣ: онъ мало разговаривалъ и почти всю дорогу не выпускалъ изъ рукъ Евангелія, которое онъ всегда возилъ съ собою.

Привезя сестеръ въ деревню, Николай Васильевичъ снова уѣхалъ въ Римъ, и пріѣзды его въ Яновщину сдѣлались еще рѣже. Но и эти рѣдкія посѣщенія родныхъ причиняли любящей сестрѣ больше горя, чѣмъ радости.

Никто съ такимъ страхомъ и волненіемъ не слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ скорбной душѣ великаго писателя, какъ безпредѣльно любящая его глухая сестренка.

Исчезла та беззаботная веселость, какую онъ иногда обнаруживалъ въ обществѣ сосѣдей, заставляя всѣхъ смѣяться до слезъ; исчезли и та самоувѣренность и спокойствіе, съ какими онъ отправлялся послѣ чая заниматься въ свой кабинетъ.

«Часто — рассказывала Ольга Васильевна: — приходи звать его къ обѣду, я съ болью въ сердцѣ наблюдала его печальное, осунувшееся лицо; на конторкѣ вмѣсто ровно и четко исписанныхъ листовъ валялись листки бумаги, испещренные какими-то каракулями; когда ему не писалось, онъ обыкновенно царапалъ перомъ различныя фигуры, но чаще всего какія-то церкви и колокольни. Прежде, бывало, пріѣзжая въ деревню, братецъ непременно затѣвалъ что-нибудь новое въ хозяйствѣ, то примется за посадку фруктовыхъ деревьевъ, то, напротивъ, вмѣсто фруктовыхъ начинаетъ садить дубъ, осень, берестъ; часто онъ измѣнялъ распisanіе рабочаго времени для крѣпостныхъ, пробовать ихъ пищу, помогалъ имъ устранять свои хозяйства, давая имъ совѣты. А теперь все это отошло въ прошлое; братецъ все это забросилъ и, когда маменька жаловалась ему на бездоходность своего имѣнія, онъ только какъ-то болѣзненно морщился и переводилъ разговоръ на релігіозныя темы. Иногда, впрочемъ, когда ему удавалось хорошо поработать утромъ, онъ приходилъ къ обѣду веселый и довольный, послѣ обѣда онъ шуточно упрашивалъ свою тетушку Екатерину Ивановку пѣть подъ мой аккомпанементъ малорусскія пѣсни, причемъ и самъ подтягивалъ, притоптывалъ ногой и прищелкивалъ пальцами. Особенно любилъ онъ старую пѣсню: «Гопъ, мои гре-

чанки, гопъ, мои білі!». Въ эти моменты все въ нашемъ домѣ оживало; маменька улыбалась, въ дверяхъ появлялись смѣющіяся лица прислуги.. Но эта вспышка веселости быстро проходила, и снова братецъ, мрачный, подавленный, уходилъ въ свой кабинетъ.

«Въ эти послѣдніе годы своей жизни братецъ мечталъ о томъ, чтобы въ домѣ матери устроитъ нѣчто въ родѣ страннопріимнаго дома. Онъ хотѣлъ, чтобы каждый страждущій душой или тѣломъ находилъ здѣсь пріютъ, утѣшеніе и исцѣленіе».

Конечно, эти мечты казались сестрамъ институткамъ чѣмъ-то совершенно неосуществимымъ; не могла понять и принять этого страннаго плана новой жизни и Марія Ивановна, и только одна Ольга Васильевна понимала идею любящей и скорбящей души брата, только она глубоко сочувствовала этой идеѣ и усердно принялась, по мѣрѣ силъ, помогать осуществленію ея на дѣлѣ. Къ величайшей радости Николая Васильевича, она очень заинтересовалась медициной.

Жизнь Ольги Васильевны, такая печальная и одинокая, вдругъ сдѣлалась полной, интересной и сознательной. Раньше она не знала, куда дѣвать свое время, чѣмъ его убить, а теперь у нея не хватало дня для выполнения всего намѣченнаго. Жизнь начала ей улыбаться, и только одно тягостное, тоскливое чувство отравляло ея существованіе: братъ, безконечно, безпредѣльно любимый братъ все болѣлъ да болѣлъ; письма его дѣлались все мрачнѣе и мрачнѣе, онъ все чаще и чаще просилъ мать молиться о немъ, и, наконецъ, прислалъ извѣ-

щеніе о томъ, что рѣшилъ ѣхать въ Иерусалимъ, чтобы тамъ у гроба Господня помолиться о ниспосланіи ему силъ для окончанія того великаго сочиненія, которое онъ такъ давно задумалъ и никакъ не могъ закончить.

Ольга Васильевна ожидала, что это далекое путешествіе возвратитъ брату душевное спокойствіе и прежнюю веселость и работоспособность; но какъ только онъ пріѣхалъ въ Яновщину, тотчасъ послѣ пребыванія въ Иерусалимѣ, она съ перваго же взгляда на его осунувшееся, страдальческое лицо поняла, что эта поѣздка не только ничего не дала страдающему брату, а даже, напротивъ, еще болѣе подорвала его слабѣющія силы.

Николай Васильевичъ почти ни съ кѣмъ не разговаривалъ, и только рассказы Ольги Васильевны и ея аптека нѣсколько оживляли его; онъ очень внимательно разспрашивалъ ее о мельчайшихъ подробностяхъ ея жизни, полной хлопотъ и заботъ о больныхъ и страдающихъ душою. Передъ отъѣздомъ въ Москву Николай Васильевичъ подарилъ Ольгѣ Васильевнѣ палочку, вывезенную имъ изъ Иерусалима; съ этой палочкой она не разставалась до самой своей смерти.

«Потомъ онъ пріѣзжалъ къ намъ еще одинъ разъ, — рассказывала Ольга Васильевна: — когда ѣхалъ изъ Одессы въ Москву — тогда онъ былъ уже совсѣмъ-совсѣмъ больнымъ, и когда мы усадили его въ дорожную коляску и проводили въ путь, то я почувствовала, что больше мы его не увидимъ».

«И, дѣйствительно, въ послѣднихъ числахъ февраля 1852 года мы получили извѣстіе о его смерти».

В. Головиня.

МОГИЛА

Н. В. ГОГОЛЯ

Могила Н. В. Гоголя находится въ Москвѣ, въ Даниловѣ монастырѣ, въ той части монастырскаго кладбища, которая видна прямо, какъ войти въ монастырскія ворота. Намогильный памятникъ состоитъ изъ двухъ частей или, вѣрнѣе, на могилѣ Гоголя стоятъ два памятника: одинъ — высокая массивная плита, темнаго мрамора, другой, поставленный въ изголовьи, — глыба, увѣнчанная бронзовымъ, позолоченнымъ, высокимъ крестомъ. Поверхъ плиты надпись: «Здѣсь погребено тѣло Николая Васильевича Гоголя. Родился 19 марта 1809 г. Скончался 21 февраля 1852 года».

